Цензурирование в Интернете: классификация сторонников, причин и базовых позиций

Кажется, что идея "что-то там отфильтровать в интернетах" может принадлежать только и исключительно авторитарным политическим режимам. Но на самом деле, это не так. Идея интернет-цензуры приходит в голову многим. Иногда даже мне приходит – очень хочется развидеть некоторые высказывания персонажей, которые просочились во всевозможные "государственные органы власти".

[Цензурирование в Интернете: классификация сторонников, причин и базовых позиций]

Потому я решил сделать разбор причин, технологий и следствий блокировок. Но на мысль сделать такой материал меня навёл памфлет польского интернет-активиста Михала Анджея Возняка (Michał Andrzej Woźniak).

Это публикация, нужно отметить, от 2013 года . Или на польском, если кому-то удобнее.

В 2016 году Михал констатировал факт официальной интернет-цензуры в Польше (на польском). Что, в общем-то, подтверждает: интернет является "точкой внимания" вообще любых правительств. И только желание [некоторых из них] вести диалог может уберечь человечество от реакции и возвращения "темных веков".

В течение предшествующих нескольких лет Михал участвовал в спорах против множества попыток введения интернет-цензуры в Польше. Некоторые из них были очень местными и почти незаметны за пределами Польши: например, Rejestr Stron i Usług Niedozwolonych – Реестр незаконных веб-сайтов и услуг. Некоторые попытки цензуры являются частью более широкого обсуждения: например, дискуссии по вопросам реализации директив ЕС, которые допускают, но не предусматривают введение детских фильтров для детей в государствах-членах ЕС. И один случай создал огромный всплеск обсуждений по всему миру – попытка запретить порно-контент в Великобритании в том же 2013 году.

На момент написания статьи, Михал собрал и систематизировал свой опыт аргументации "против интернет-цензуры". Собственно, эта статья и есть перевод оной, но с некоторыми авторскими дополнениями с учётом Российского опыта.

Я же убедился окончательно, что процессы "государство пытается управлять контентом в интернете" схожи во всех странах. Включая и так называемые, демократические. Очевидно, существуют какие-то общие социальные, политические и экономические процессы, которые и поднимают желание регулировать. Полагаю, что процессы в мире взаимовлияющи, что доказывают разные сроки прихода идеи в голову в разных странах. Ну, и разное рвение пытаться регулировать движение атмосферных масс путем издания законов.

Но некоторые госчиновники хотя бы пытаются понять тщетность усилий. А вот большинство – никак. Последним я рекомендую больше читать классиков литературы. Ну, хотя бы моего любимого Салтыкова-Щедрина:

> У ней была в распоряжении громадная сила: упорство тупоумия, и так как эта сила постоянно била в одну точку: досадить, изгадить жизнь, то по временам она являлась чем-то страшным. Мало-помалу арена столовой сделалась недостаточною для неё; она врывалась в кабинет и там настигала Иудушку (прежде она и подумать не посмела бы войти туда, когда барин "занят"). Придёт, сядет к окну, упрётся посоловелыми глазами в пространство, почешется лопатками об косяк и начнёт колобродить.

"***Господа Головлёвы***"

"Она", в данном случае, можно читать как "Государственная Дума".

Главное правило

Существует одно, но главное и простое правило, которое обязательно нужно помнить при обсуждении идей цензуры. Это правило, которое обобщается в расширенной версии "Бритвы Хэнлона":

> **❝** Никогда не приписывайте злому умыслу то, что адекватно объясняется некомпетентностью, ленью или глупостью."

Как правило, те кто предлагают или поддерживают интернет-цензуру, не имеют за пазухой булыжника злонамеренных мыслей. Хотя соблазн сделать именно такое предположение и возникает в первую очередь. Однако, поддержка идей "запретить и заблокировать" проистекает из того факта, что конкретные люди, включая законодателей и политиков:

- Не понимают, как работает Интернет;
- Не видят связи между идеей блокировок и цензурой;
- Не понимают технических проблем и стоимости реализации таких идей;
- Не видят и не понимают опасности их реализации.

Отсюда следует, что существует только две области, где в принципе можно выиграть спор у носителей идей цензуры и блокировок:

1. Логическая аргументация, основанная на технических и экономических проблемах;
2. Чисто эмоциональные публичные дебаты.

Первый пункт – хорошая основа для начала диалога, а второй – по сути, эндшпиль, решающая часть аргументов.

Ваши противники

Существует пять основных групп людей, с которыми приходится дискутировать об интернет-цензуре:

1. Политики;
2. Государственные служащие;
3. Сотрудники правоохранительных органов и спецслужб;
4. Искренне вовлеченные активисты;
5. Бизнес-лоббисты.

Но главной и решающей является шестая группа людей – широкая публика. Собственно, на широкую публику и должны быть ориентированы ваши аргументы. Потому что все вышеперечисленные группы так или иначе опираются на мнение большинства. Даже в очень авторитарных странах правительства вынуждены прислушиваться к мнению большинства.

Но перечислим целеполагания основных групп, с которыми придется вести дискуссию.

Первыми к мысли "все запретить, все заблокировать" приходят **политики.** Именно они раньше всех начинают призывать к интернет-цензуре. И нужно отметить, что их целеполагание, как правило, находится в разрезе краткосрочной политической выгоды. Не для долгосрочных социальных изменений.

Отсылки на "социальные изменения" и "традиционные ценности" – эмоциональное оправдание желания "заморозить ситуацию", определенную как "желательную". Настоящая причина идей цензурного воздействия на интернет – получение упоминаний в СМИ и попытка "собрать популярности". Обратите внимание, как быстро любые "плохие события в интернете" получают обратную связь от политического истеблишмента – все эти "синие киты" и "жестокость в компьютерных играх" являются реакцией на события. А запрет становится самым простым из способов "решить проблему".

Думаете, это только в России предлагается простейшая реакция на "насилие в школах"? Вовсе нет. Вот официальный Youtube-канал "Белого дома" собрал в одном ролике "очень жестокие сцены":

В демократических государствах иногда достаточно всего лишь упомянуть про запрет цензуры в Конституции. А для личного убеждения недопустимости введения цензуры – единственно весомым аргументом, который всегда имеет действенное влияние на политическую фигуру, может быть только обращение к авторитету широкой общественности. При этом, конечно, общественное мнение будет вопиющим против цензуры.

Михал выводит тезис, что обычно неразумно предполагать, будто у действующих политиков имеются злонамеренные желания по удушению оппозиции и/или инакомыслия. Такие предположения усложняют "конструктивный диалог". Однако, когда нет прямой декларации, именно это и делается.

Государственные служащие обычно вообще не имеют никаких "сильных чувств" при обсуждении цензуры и сопровождающих событий. Обсуждение процессов блокировок – удел политиков. Госслужащие исполняют решения политиков и стараются оставаться нейтральными. Типичный ответ на прямой вопрос: "все вопросы к парламенту". Для них нет никакой выгоды в процессе, если только они не являются исполнителями этих процессов. Но в случае технического исполнения политических решений чиновники заинтересованы в эскалации блокировок и цензуры, поскольку от этого зависит их зарплата и аппаратное влияние.

Однако, большинство чиновников, незадействованных в работе цензуры, не являются техническими

специалистами. Они могут не понимать тонкостей технологий цензурирования и, как правило, совсем не стремятся понять и разобраться. Последствия влияния механизма цензурирования на гражданские права и свободы чиновники также вряд ли в состоянии оценить.

Всевозможные правоохранительные, надзорные и силовые органы, специальные службы, рассматривают идеи цензуры, как метод получения власти или, по меньшей мере, шанс получить новый инструмент для выполнения своих обязанностей. Инструмент считается достаточно эффективным, чтобы попробовать его получить. Спецслужбы обычно понимают технические проблемы, но связанные с этим вопросы гражданских прав законных интересов граждан, не принимаются во внимание. Силовики считают себя защитниками правопорядка и неявно предполагают, что цель оправдывает средства – по крайней мере, в контексте интернет-цензуры и интернет-слежки. Эта группа не будет воспринимать никаких логических аргументов, поскольку любая логика противоречит их интересам. Но нужно отметить, что и эмоциональную риторику они используют редко.

Про-цензурные активисты имеют сильную эмоциональную позицию по каким-либо социальным проблемам (особой популярностью пользуются детская порнография, азартные игры, порно в целом и т.д.) и считают, что интернет-цензура является хорошим решением этих проблем. У них очень конкретная повестка дня, с ними очень сложно дискутировать. Со стороны процензурных активистов совсем не следует предполагать умышленные злонамеренные устремления. Скорее, они искренне считают, что интернет-цензура принесет в мир "добро и процветание".

Активисты редко понимают технические тонкости цензурирования интернета, тем более не знают они про затраты, связанные с реализацией таких идей. Впрочем, они могут понимать проблемы реализации защиты гражданских прав и законных интересов. Попытки вести сдержанный диалог с позиции объяснения сути технических проблем и объёмов затрат может быть хорошей тактикой. Но эмоционально трудно объяснить, что выбор приоритетов на основе оценки ценностей "или-или" может оказаться когнитивным искажением. Вот попробуйте определить, что ценнее: "оправдывает ли то, что один ребенок не увидит порно в интернете, небольшое нарушение свободы слова?". А "тотальное нарушение свободы слова оправдывает ли блокировку всех интернет-казино?"

Активисты, которые начинают узнавать о накладных расходах на реализацию тотального цензурирования, нередко начинают задаваться вопросом: "а не слишком ли цена высока?"

Бизнес-лоббисты. Это интересное явление, так как лобби, как правило, присутствуют с обеих сторон "дискуссионных баррикад". Лоббисты от интернет-провайдеров будут бороться с цензурой в Интернете, поскольку введение цензуры означает рост затрат на ведение бизнеса. Но как только на столе появятся денежные стимулы (например, государственные деньги для реализации решений), многие уйдут из оппозиции.

Лоббистов, прямо проводящих цензурные идеи, не так много. По крайней мере, на открытых публичных мероприятиях они редко появляются. При этом, цензурные бизнес-лоббисты не станут колебаться и будут поддерживать свою точку зрения приведением множества "фактов", "отчетов", "экспертных заключений" и т.п.

Впрочем, после более пристального изучения все эти "важные документы" окажутся, по меньшей мере, манипуляционными агитками (сразу приходит на память такая организация, как "Российское авторское общество", руководитель которого получил полтора года колонии за мошенничество). Эффективной тактикой дискуссии с бизнес-лобби будет внимательное изучение их аргументов и приведённых цифр с последующим опровержением выводов. Однако, это весьма ресурсоёмкая тактика, требующая времени и интеллектуальных усилий.

Широкая общественность легко поддается эмоциональным аргументам. И этим пользуются как раз "политики" и "лоббисты", которые предлагают, например, "подумать о детях". При этом нужно иметь в виду, что широкая общественность ан-масс не понимает технических проблем, а экономические сложности мало интересны публике при столь сильных эмоциональных "аргументах", как "будущее детей". Потому, общественная агитация против интернет-цензуры – дело нелёгкое.

Тем не менее, важно перетаскивать общественность на свою сторону. И для этого нужны сильные эмоциональные аргументы и очень сильные фактические, технические и экономические аргументы, ослабляющие эмоциональные процензурные аргументы.

Чтобы иметь возможность общаться с широкой публикой, нужны медиа. Крайне важно иметь связи со СМИ и выпускать высококачественные пресс-релизы со всей необходимой информацией "внутри", чтобы СМИ было как можно проще работать с материалом.

Также, очень важно помнить, что процензурно настроенные СМИ будут пытаться искажать, вырезать, переворачивать информацию и цитаты, выдирать их из контекста. Однако, это не следует относить к злонамеренности. Нужно понимать принципы и методы работы современных средств массовой информации и с пониманием относиться к отсутствию технических знаний среди

журналистов. Следовательно, язык посланий в СМИ должен быть продуманным и понятным (и таким же простым и доступным для случайного читателя), насколько это возможно. И чуточку больше.

Коммуникации в средствах массовой информации должны быть краткими, сжатыми, но точными. Это поможет пониманию их широкой публикой, облегчит средствам массовой информации публикацию материала и затруднит его искажение.

При общении со средствами массовой информации полезно попытаться сохранить политический нейтралитет, сосредоточив внимание на важных вопросах, а не на партийной принадлежности и/или политической платформе.

Необходимо время от времени предлагать действительно интересные материалы с конкретными и однозначными вопросами к процензурно настроенным субъектам общественных отношений, затрагивающих вопросы законности предложений, понесенных издержек, технических вопросов и сомнений в реализации гражданских правах и т.п. Желательно добиваться ответов на публично поставленные вопросы. Если эти вопросы будут озвучиваться средствами массовой информации, адресаты посланий будут вынуждены отвечать.

Каждая из перечисленных групп, и каждый из вовлеченных участников, должны рассматриваться отдельно. Не по совокупности "отношений". Это связано с тем, что любой субъект общественной дискуссии может по-разному воспринимать аргументы в разных контекстах. Например, публичные встречи с прессой для обсуждения проблем политического цензурирования, будут иметь видимый эффект только если имеется существенная общественная оппозиция. В случае, если общественность имеет ан-масс противоположные настроения, то такие встречи и пресс-конференции скорее приведут к конфронтации позиций.

Лучшим выбором публичных обсуждений являются дебаты. Однако политики и государственные служащие очень неохотно идут на публичные дебаты, что объясняется слабо аргументированной позицией сторонников цензуры, если это не относится к эмоциональным аргументам. И напомним, что политики и чиновники обычно слабо владеют технической стороной процессов цензурирования и иногда хорошо понимают свою некомпетентность, что является дополнительным барьером добровольного участия в дебатах.

Поводы цензуры

Существует два главных повода существования процензурных позиций:

- Социальные;
- Политические.

Социальные причины идеи цензурирования в интернете, как правило, сводятся к общественному порицанию социально-опасных [по мнению процензурно настроенных субъектов] явлений: детской порнографии или вообще порнографии; азартных игр; религиозных чувств и/или явлений, связанных с нарушением общественного порядка. Все эти явления воспринимаются как реальные, фактические причины идеи интернет-цензуры. Именно так это было несколько раз в Польше, и, вероятно, также было причиной большинства европейских цензурных дебатов.

Однако, в некоторых странах (Китай, Иран, Северная Корея и, очевидно, Турция и Россия) – это всего лишь предлог для прикрытия более коварной, реальной политической повестки. Чаще всего – цензура инакомыслия и оппозиции.

И главной проблемой здесь является то, что очень трудно констатировать "скрытую повестку" за эмоциональной аргументацией с социальным запросом. И хотя считается (и мы это уже несколько раз повторили), что контрпродуктивно предполагать злонамеренность оппонентов, выдвигающих процензурную повестку дня, все же целесообразно осознавать реальную возможность наличия именно желания политической цензуры. Особенно, когда процензурную позицию занимают члены властвующих партий или политических объединений.

Социальные поводы

Типичный ряд социальных проблем, которые используются как причины введения интернет-цензуры, в большинстве случаев, выглядит так:

- Детская порнография. Это, безусловно, самый мощный аргумент, используемый сторонниками цензуры. Рано или поздно, этот пункт всегда всплывет в дискуссии, даже если диалог начинался с иных тем и причин. Потому имеет смысл всегда быть готовым к поднятию этого вопроса.
- Порнография в целом.
- Азартные игры.
- Наркоторговля, включая алкоголь (чаще всего имеется в виду "наркотики доступны в интернете,

в том числе и несовершеннолетним").
- Нарушения общественного порядка (этот повод использовался, в частности, при обосновании проекта "Великий Китайский Фаерволл").
- Поводы, связанные с религией и "оскорблением чувств верующих".
- Законы о клевете и диффамации.
- Интеллектуальные монополии.
- Местное законодательство (например, законы "о запрете пропаганды нацизма" в Германии) или отношение некоторых религиозных общин к вообще средствам массовой информации.

Главное, что следует помнить при обсуждении интернет-цензуры, это то, что ни одно техническое решение еще никогда не решило ни одной социальной проблемы. И нет оснований полагать, что техническое решение введения интернет-цензуры позволит избавиться от любой из вышеперечисленных социальных проблем.

Оппоненты введения цензуры должны быть готовы к неизбежному появлению новых социальных оправданий в ходе прений. Причём, иногда оправдания возникают на базе ложных обобщений. Например, в Польше история с "Реестром незаконных сайтов и услуг" идея интернет-цензуры была связана с законами против азартных игр и запретом "иностранных казино". В ходе обсуждения были предприняты и другие оправдывающие цензуру отговорки – моментально вспомнили и детскую порнографию, и интернет-сайты связанные с торговлей наркотиками.

И здесь важно понимать, что недостаточно обсуждения только оправданий введения цензуры. Важно указать оппонентам, что цензура никак не решает собственно социальных проблем. Ни одна блокировка сайта наркоторговца не влечёт наказания за преступления, связанные с этим. Просто наркоторговцы становятся более изощренными и более скрытным. Так же и с прочими проблемами – интернет-цензура не является их решением, а всего лишь скрывает проблему от широкой общественности. "Заметает грязь под ковер".

Весьма эффективна метафора "скользкого склона" – кажущиеся логичным оправдания блокировок "наркотиков, азартных игр и детской порнографии", это выход на "скользкий склон". Как только у цензурирующих ведомств появляется инструмент блокировок, им уже трудно остановиться и не расширять список. Мировой опыт свидетельствует, что за блокировками "детской порногорафии" последуют блокировки просто порнографии, затем "нелегальные лекарства", "финансовые пирамиды", "нетрадиционные сексуальные отношения" и прочее. Исторически все это приводит к цензуре любого инакомыслия. Вступление на "скользкий склон" приводит к метафорическому "скольжению в яму тоталитаризма", что противоречит демократическим ценностям.

Политические предлоги

Это довольно просто. Способность отслеживать и подвергать цензуре интернет-коммуникации (учитываем, что с каждым днем важность Интернета как средства коммуникации повышается) является мощным инструментом в руках политиков. Это позволяет им противостоять инакомыслию и оппозиции. Власти могут легко устанавливать личности оппозиционеров, затруднять коммуникации групп оппонентов, подвергать коммуникационным репрессиям любые попытки раскрытия информации о деятельности собственно политиков, находящихся у власти.

Поскольку интернет-цензура требует внедрения специального оборудования (например, фильтров и систем DPI), то как только такая система будет внедрена, нет никаких технических проблем, позволяющих тем, кто контролирует такие системы прослушивать и модифицировать любые сообщения. Это открывает двери еще более широким возможностям политического руководства, включая операции по дезинформации широкого круга населения, организацию тотальной автоматизированной слежки и подобные действия. Это шаг к "цифровой диктатуре", где власть будет иметь фактически неограниченные возможности по репрессиям любых граждан, их групп и объединений.

Продолжение следует (поговорим о контраргументах)